

Оглавление

Озарения и влияния.....	7
Детские и юношеские грёзы.....	7
Драматическая пропедевтика.....	9
Духовная мама.....	13
Ляля о Майе.....	18
Ляля о нас.....	20
О родной для меня книге.....	24
Радости обретения и боли самосознания.....	27
Письмо Петру Щедровицкому.....	30
Первые самостояния.....	32
Дневник самосознания — семидесятые.....	39
Околопоэтическое вдохновение.....	49
Молитва современника.....	50
Полемика с Всеволодом Катагощиным.....	51
Дневник самосознания — восьмидесятые.....	55
Из писем Ляле Андреевой.....	125
Еврейскому другу.....	134
Альманах «Рубежи».....	142
Журнал «Выбор».....	145
Вокруг «Выбора».....	151
Дневник самосознания — девяностые.....	153
Витька Аксючиц — генеральный секретарь!.....	155
Дневник самосознания — нулевые.....	165
Pro et contra.....	169
Оля Седакова.....	169

А. Перепечко. Взгляд со стороны на мою политическую деятельность на фоне творческой	183
Первые поношения	184
К. Кедров. Тоска по Ивану-царевичу в мундире генералиссимуса	184
Ю. Крючков	186
С. С. Аверинцев о В. В. Аксютине	188
Михаил Назаров	189
Геннадий Галкин	194
Глеб Анищенко	196
Олег Мраморнов	205
Андрей Кураев	206
Соединённые штаты колоний	227
Андрей Бессмертный-Анзимиров	233
Защита от лжи	238
В. М. Хромов	239
Отзыв в НГ	243
Е. В. Ихлов Манифест умеренного творчества	246
В. А. Зайцев	250
Энциклопедический словарь	253
Переписка с Евгенией Казанской из Австралии	255
О евразийстве	261
Монастырская рецензия	264
Михаил Болотовский «За флажки»	274
Лёша Бурыкин	276
Дмитрий Шидарёв	277
Виктор Бармин	278
Аркадий Кастерин	284

Аркадий Минаков.....	285
Дневник самосознания — десятыe	289
Дочь Лиза.....	291
Публикации	293
Интервью журналу «Витрина».....	293
США и Россия — взаимоуничтожение либо взаимопонимание. взгляд из прошлого в будущее	297
Интервью порталу «Православная книга»	302
Интервью газете «Культура».....	309
Фантасмагория вокруг «царского дела»	313
Рукоположение в иеромонахи убийцы	318
Великий математик-мыслитель И. Р. Шафаревич	320
Кому выгодны мигранты	329
Пленённый старец	331
Трудовая миграция.....	333
Христианство — религия преображения бытия	335
Пора показать «кузькину мать»	337
Тыловая русофобия.....	338
Идеология победы	340
О мобилизации	341
Идеология гражданской войны	342
Психология гражданской войны	343
На валдайской волне	344
Русская цивилизация подвига и труда.....	346
Европейское право и русская правда	347
«Философия в образах» Ф. М. Достоевского	348
Право и справедливость в русской традиции.....	350

Запад ненавидит русских потому, что мы другие.....	351
«Наша цель — в объединении русского народа» (Владимир Путин) как мы себя идентифицируем?.....	352
Непонятки войны	353
На европейском шовинизме	355
Горизонты победы.....	356
Катастрофическое нарожение новой цивилизации.....	357
Полемика.....	361
О книге «Миссия России» и сопутствующем	367
Дневник самосознания — двадцатые	373
Заключение	385
Книги Виктора Аксючица	397

Озарения и влияния

Детские и юношеские грёзы

Лет в десять я испытал сильнейшие переживания смерти: в пионерском лагере грёзами перед сном додумывал до безысходной брэнности всего, неизбежной, полной, без остатка и окончательной смерти всех близких, меня самого и всего мироздания. Это вводило меня в состояние ступора, бросало в жар, била дрожь, я не мог жить при мысли, что **всё на свете и вся жизнь абсолютно конечны**, и, значит, не имеет смысла: как бы я ни жил, что бы я ни делал — я полностью без остатка исчезну! Я чувствовал себя падающим в какую-то тёмную бездну, из которой вытягивал себя последним усилием воли... После нескольких стрессовых «раздумий» я заставил себя не додумывать концы и начала. Тогда я не пришёл ни к каким выводам, только заставил себя не ввинчиваться в переживания конечного мрака — не додумывать до конца неизбежность всеобщего конца.

Через какое-то время окружающая жизнь увиделась иным взором. Наш дом населяли портовые рабочие. Однажды лет в десять я вышел в утренний летний двор, залитый солнцем, который вдруг представился отчуждёнными декорациями бессмысленной постановки. Всё было как всегда, но это-то и ужасало — каждый день отец и все вокруг целеустремлённо делали одно и то же: *пахали*, приходили с работы, наскоро ели, спешили что-то сделать по дому, выбегали во двор *забить козла* (сыграть в домино), выпить, побуянить, иногда подражаться, их разнимали жёны, вводили и укладывали спать, затем они опять спешили на работу, чтобы вновь... Я понял, что все вокруг целеустремленно и энергично стремятся к какой-то цели, которую сами совершенно не сознают. А я осознал эту конечную цель — все бездумно наперегонки бежали к гробовой доске. Такая жизнь абсолютно бессмысленна и для меня невозможна, и *я так жить не буду*. Но как иначе, я не знал и даже не понимал, в какую сторону об этом думать. Меня тянуло размышлять на темы совершенно не практические. Мир бесконечен в космос, но и бесконечен вовнутрь. Значит, когда я бросаю камень, то сокрушаю тем самым бесконечное число галактик, в которых бесконечное множество таких же планет с живыми существами, и которые гибнут в результате моих действий. А там, в мироздании, играет в камушки какой-то космический мальчик, — для него миг игры, а для нас — эпохи: пока падает его камушек, в нём успевают народиться и погибнуть галактики, созвездия, планеты и цивилизации... Очевидно, у многих детей сильна спонтанная интуиция универсума и запредельного, но она забивается прагматикой мира взрослых. Я делился своими рассуждениями со старшим напарником по кочегарке, для меня безусловным авторитетом во всём, что касалось драк и девчонок, но на мои фантазии он крутил пальцем у виска.

Тогда мои думы не вели ни к каким оргвыводам. Но теперь я понимаю, что вся моя жизнь с ранних лет была поиском своего Отечества — земного и Небесного, которого нас лишили от рождения. Я должен был совершить волевой акт самоопределения и обрести утерянную Родину. Конечно, я только сейчас осознаю тот неосознанный, но непреодолимый зов, который выстраивал мою судьбу, — поиск цели и смысла жизни. В книге «Русский маятник» я описывал обретение Отечества земного, здесь же больше о поисках Отечества Небесного.

На службе в Военно-морском флоте при бесконечных шаганиях по плацу и стояниях часовым я выстраивал своё будущее, представлял его в образах и конкретных картинках, строил планы реализации поставленных целей. Я мечтал о неведомой жизни, о которой не мог узнать даже из книг, о близких и родных людях и отношениях с ними, которые не имели аналогов в жизни реальной, о занятиях, которыми я увлечён и отдаюсь им целиком, но каким — ещё не представлял... Надо сказать, что жизнь затем и выстроилась по тем вдохновениям. Жадно читал — в краткое свободное время, которое остальные урывали для сна. Ну, что мог читать двадцатилетний матрос — сын дворничихи и грузчика? Брошюры общества «Знание» и газеты «Литературная», «За рубежом», в которых ещё звучали отголоски живых диспутов шестидесятых. Жадно искал своё родное. Сначала показалось, что это политэкономия, но, законспектировав множество работ, понял — не то. Ближе всего — философия, но только по какому-то неуловимому духу, ибо содержание марксистко-ленинской философии (а другой в стране и у меня — не было и не могло быть) — как-то слишком холодно и выхолощено. Но грыз упорно. Это самообразование позволило подготовиться и поступить на подготовительное отделение (*рабфак*) философского факультета МГУ.

Делился своими мечтаниями с друзьями, которые дошли до МГУ: Коля Якутин — до факультета экономической кибернетики, Володя Кудрявцев со мной на философский, где и доцентичает на славу. Через несколько месяцев службы составил для себя план и направления самосоздания.

10.1969

1. Наметить, что нужно (грубо по вопросам) — до конца 1969 года.
2. Рассмотреть, разбить по пунктам — до конца 1969.
3. Составить систему для изучения и выполнения — март 1970.
4. Литература по этим вопросам — 1969 г. — май 1972 г.
5. Организовать своё время для изучения — март-апрель 1970.
6. Изучать, применяя элементы НОТ — 1970 — май 1972.
7. Регулярно контролировать себя по выполнению (строго по системе) — 1970 — май 1972.

10.1069

1. Характер.
2. Речь (риторика).
3. Литература.
4. Искусство.
5. Основы философии.
6. Основы политэкономии.
7. Предметы для училища (я ещё собирался защитить диплом переходки).
8. Предметы для университета.
9. Периодическая печать.
10. Основы права.
11. Английский язык (особо от училища).
12. Религия.
13. Психология.
14. НОТ (научная организация труда).
15. Логика.
17. Стенография.

18. *Предметы для школы (во время службы окончил вечернюю школу — на случай, если не закончу училища).*

19. *Международные отношения.*

Поскольку предмет изучения «совершенствование собственного характера» был обозначен под номером первым, он пользовался особой заботой.

Драматическая пропедевтика

Только в Москве в двадцать три года я впервые испытал острейшее чувство возвращения на подлинную Родину: родился в глухой белорусской деревне, с пяти лет жил в Риге, учился в мореходке, ходил на разных флотах по разным странам, служил на Балтийском флоте. Всё прежнее было скитальчеством по чужим краям — и духовным, и пространственным, и только сейчас я ощущаю своё — родное. Это как возврат в материнскую утробу, которую не помнишь, но которую генетически знаешь. В студенческом общежитии философского факультета МГУ впервые в жизни (надо сказать — и в последний раз) каждый день я просыпался с ощущением счастья. Хотя это были только самые первые шаги. Некоторые осмысления происходящего записал.

10.01.72

Что необходимо, чтобы человек мог добиться задуманного?

– *Сила воли.*

– *Здоровые моральные качества.*

– *Развитый интеллект.*

Которые позволяют:

– *усвоить знания основ, теории;*

– *понять действительность вокруг себя, сложившуюся ситуацию;*

– *выработать навыки, умение применять знания на практике.*

Я считал себя убеждённым коммунистом (что-то вроде еврокоммуниста — по-другому я не мог себя сознавать, ибо другого мировоззрения в огромной стране и в помине не было), но считал, что верную теорию неверно строят. Поэтому решил получить образование на отделении научного коммунизма и стать генеральным секретарём ЦК КПСС, — чтобы наконец строить «настоящий» коммунизм. В выходные дни, когда друзья гоняли в футбол, я штудировал классиков. Многие уже начинало вызывать сомнения.

9.06.73

Зачастую ненормальные отклонения от провозглашённых принципов мы склонны объяснять «чуждачеством», конкретным извращением конкретной личности или привыкаем к этому и со временем вообще не замечаем ненормальностей. Более того, даже видя их, выдумываем несуществующие, но поверхностно-убедительные оправдания, а то и просто лицемерим, самообманываясь и обманывая других. А они, может быть, являются симптомами болезни всего общественного организма.

30.06.73

В литературе ненормально много конъюнктурно-деляческого, спекулятивно-псевдонародного. Критика? Больше поверхностное

скакание. У основной массы пишущих больше не истинного патриотизма, а бездумного ура-патриотического пафоса.

30.06.73

Историческое развитие в борьбе противоположностей добра и зла, нового и старого... Но кроме уяснения себе неизбежности и объективности процесса, кроме его беспристрастного изучения необходимо чувство причастности. Необходимо понять, что объективный ход событий в конечном счёте является творением людей. Необходимо найти и своё место в этом процессе. Необходимо с мудрым видением хода истории чётко определить своё место в ней: носителем каких идей, какой из тех противоположностей в конечном счёте окажешься ты.

Нынешние поколения, к счастью, уже мало сознают, насколько ложным мировоззрением нас пичкали с детства, насколько прочны были завесы, перекрывавшие доступ к главным ценностям жизни: к вере в Бога, к реальной истории своего Отечества, к подлинным идеалам и ценностям... До августа 1991 года во всех вузах страны все выпускники на всех специальностях второй госэкзамен сдавали по научному коммунизму — квинтэссенции коммунистической идеологии. Кому в жизни понадобился этот маразм, который испарился в 1991 году?! Все научные коммунисты мигом превратились в политологов, исторические материалисты — в социологов, диалектические материалисты — в метафизиков, научные атеисты — в религиоведов. Кстати, до конца восьмидесятых годов Книга Книг — Библия — была запрещена к продаже даже в храмах... Десятилетиями патологические коммунистические абстракции, не имеющие никакого отношения к реальности, вбивали в головы всех жителей СССР (с большей или меньшей интенсивностью — во всех коммунистических странах). Потому они и испарилась вмиг в 1991 году безо всякого насилия. Но скольким они запудрили мозги?! А скольких соблазнили участвовать в идеологической вакханалии?! При поступлении на философский факультет МГУ нам сразу объяснили, что это идеологический факультет. Соответственно, кто поумнее — шли на отделение философии, а кто попроще — нацеливались на партийно-государственную карьеру и шли на отделение научного коммунизма. Хотя и на философском отделении собственно философию можно было изучать только на кафедре зарубежной философии. Остальные кафедры назывались: диалектического материализма, исторического материализма, истории марксистско-ленинской философии, марксистско-ленинской этики, марксистско-ленинской эстетики, научного атеизма. На кафедре философии народов СССР великая русская философия полностью отсутствовала, изучались только «философы»-материалисты-атеисты. Показателен вопрос на экзамене по философии: «Устройств глаза по Сеченову». Конечно, абсурдность «единственно верного учения» большинство сознавало. С нами делились старшекурсники: «Что такое марксистская философия? — Это когда в тёмной комнате ловят чёрную кошку. Что такое марксистско-ленинская философия? — Когда в тёмной комнате ловят чёрную кошку, заранее зная, что её там нет. Что такое научный коммунизм? — Это когда в тёмной комнате ловят чёрную кошку, заранее зная, что её там нет, и каждые пять минут кричат: ура, поймали!». Детишки, конечно, изначально реагировали на пропаганду адекватно. Рассказывали, что дети периодически спрашивали: «А кто такой Слава

КПСС? Почему о нём везде пишут?» Мою маленькую дочь я вёз на такси с её подругой, Варюша, увидев пятиэтажный плакат с Марксом — Энгельсом — Лениным, возопила: *«Смотри, смотри, Достоевский, Толстой, Ленин»*.

Марксистская пропедевтика скоро закончилась — не без помощи добрых людей. Мой двоюродный дядя (двоюродный брат моей мамы) — **протоирей Аркадий Станько**, впоследствии строитель и настоятель Казанского собора на Красной площади — не только создавал храмы, но и строил наши души. Вечная ему память! В 1944 году юношей дядя, как и моя мама, был угнан на принудительные работы в Германию, где дал обет: если останется жив, посвятить свою жизнь священнослужению.

При первой встрече на Светлой Седмице в 1973 году после праздничного угощения в его маленьком кабинете он завёл разговор: *ну, философ, рассказывай*. Я с энтузиазмом объяснил, как мы будем *правильно строить коммунизм*. Мудрый пастырь не стал спорить с упрямцем, положил руку на Библию и спросил: *с этим что будете делать в вашем коммунизме?* На что я самоуверенно ответил, что *этот памятник мировой культуры, конечно же, будем учитывать при строительстве коммунизма*. Дядя подарил мне Библию с одним советом: начать чтение с Нового Завета, а только затем приступать к Старому. Современные поколения уже не знают, что Книга Книг тогда не продавалась даже в храмах, светскому человеку с нею можно было познакомиться только по допуску в спецхране Ленинской библиотеки.

Господи, я был сокрушён сразу. Прежде всего, меня поразило, что, оказывается, множество выражений из Библии пронизывают всю нашу атеистическую жизнь. Только затем открывались глубинные смыслы. Но образ Спасителя пленил. Так началось для меня возвращение на духовную Родину. Отец Аркадий заботился обо мне — одаривал подарками, при встречах наделял значительной для моей семьи с тремя детьми суммой. Иногда принимал у себя в квартире на Юго-Западе с неизменной рюмкой коньяка и многочасовыми беседами. Дядя потрясающе рассказывал о своей колоритной учёбе в Жировицкой семинарии в Западной Белоруссии, которая была присоединена к СССР в 1939 году, и потому там храмы не закрывались — религиозная традиция и жизненный уклад сохранились. Этим объяснялось множество священников из Западной Украины и Западной Белоруссии в московских храмах. У дяди на этот счёт была своя теория: *«Мы — западники — кожа, предохраняем российский организм от внешней агрессивной среды и заразы»*.

Однажды я был приглашён на пятидесятилетие отца Аркадия. За столом собрались именитые московские протоиереи, секретарь патриарха отец Матфей вручил орден Святого Владимира. Когда дядя предоставил слово мне — *студенту-философу*, некоторые мои слова вызвали оторопь в почтенном обществе: *«Я уверен, что скоро в храме напротив вашего дома, дядя, зазвонят колокола»*. Говорилось о полуразрушенном здании, в котором был склад. В год тысячелетия Крещения Руси я инициировал открытие храма Михаила Архангела на Юго-Западе.

При окончании МГУ дядя предложил: *«Поступай в Московскую семинарию, я дам рекомендацию, а через некоторое время рукоположим в священники»*. После моего отказа дядя был в шоке и спросил, кем же я собираюсь быть. Я сказал: *философом*. Дядя-священник озадачен: *«Что это такое и чем ты будешь заниматься? Я вот тоже богослов — кандидат богословия — но*

это же не профессия?» Мои огорчённые родители (после бегства от коллективизации в западно-белорусской деревне папа — грузчик в морском торговом порту, мама — дворник, оба с четырёхклассным образованием), уже видевшие меня устроенным в жизни батюшкой, тоже много лет спрашивали: *«Сын мой, что это за работа — философия, и чем ты там занимаешься?»*

В Москве огромную роль в моей жизни играют женщины. Первой помогла с самоопределением моя юная жена **Ляля Андреева** — в 1974 году, после окончания первого курса МГУ, я женился. Она стала для меня духовно-нравственным идеалом, к которому я стремился. Московская барышня — играла на *фортепиано*, в отличие от меня знала музыку, литературу, уже читала Платона... А я ещё мог в споре выпалить: *Ленина не трогай!* Она старалась не спорить, а терпеливо разговаривала. Только любящее сердце способно было подсказать, как помочь вырулить провинциальному увальню, задвинутому на коммунизме. Через несколько лет уже я определял наш духовный путь. Только два раза Ляля задала вопрос: *зачем это тебе надо?* Первый раз — на моё предложение ходить в храм. Я решился на это по зову души, не очень обдумывая, но надо было что-то отвечать, и я сказал: *«Не могу же я считать себя христианским философом и не ходить в храм»*. Каждого свои бесы удерживают от вхождения в Церковь, и у каждого индивидуальный путь борений на пути к Богу. В следующий раз Ляля повторила этот вопрос через несколько лет, когда я окунулся в религиозный и политический самиздат. Я ответил что-то вроде: *сам получил многое от этих книг и хочу с другими поделиться*. Начался очень трудный для близких период моей общественной активности, но Лялечка терпела и была добрым, мудрым, верным другом.

Невольными вдохновителями были и малыши Варюша и Федюша: переполненность любовью и заботой о них изливалась и творчески, — этюд о любви я писал, когда Варенька в пелёнках посапывала между моих рук в ящике стола. Жили материально очень трудно. Ляля работала на дому — ретушировала слайды произведений художников для издательства «Искусство», училась на вечернем отделении философского факультета МГУ. Я учился на дневном и работал на нескольких работах (ночным комендантом в МГУ, учителем в вечерней школе, в стройотрядах). При полной нужде с болью залезал в книжный шкаф и относил в букинистический. Бабушек-нянек не было: жили отдельно, навещали редко. Ляля была заядлым *спуном* — спала очень крепко и долго. Я же сплю очень чутко и вставал ночью к детям; чтобы не проснуться окончательно (потом трудно уснуть), делал всё на автомате, в полудрёме. По сигналу малыша вскакивал, нёс в ванную, подмывал, кутал, укладывал и досыпал своё. Когда через год после Вари родился Федя, я, подмывая его, стал просыпаться, ибо натренированному движению руки что-то сопротивлялось — не смывалось; обнаруживал, что пытаюсь смыть мужские достоинства. Когда в день восемнадцатилетия я рассказал эту историю Феде, он ответил: *papa, спасибо, что не смыл*.

Другая забавная история, характеризующая нашу семейную жизнь. Я буквально воспринял сентенцию Лялиной бабы Кати: *для интеллигентного человека носить заплаты благородно*. Более того, я и заплатами не особенно озабочивался и ходил дома в рванье. Когда поутру нужно было сбегать в универсам, сбросил халат, набросил на обнажёнку рваные джинсы, решив, что плащ сверху всё прикроет. В то время овощное-фруктовое изобилие длилось

только месяц-полтора осенью. Я пропихивал сквозь толпу коляску с Варенькой к контейнерам и набивал авоськи нужным продуктом. По дороге домой наклонился к коляске, чтобы поправить соску, и почувствовал какой-то дискомфорт сзади. Положил руку на... о ужас!.. голый зад, — полы плаща разъехались, обнажив всё; я тут же вспомнил, как неоднократно наклонялся к низким контейнерам в универсаме... Остолбенел, представил впечатления покупателей о молодом затырканном отце, дальше еле передвигал ноги, — казалось, из каждого окна вокруг смотрят на меня...

Духовная мама

По жизни деликатно вела милая **Майя Захаровна Дукаревич**. Моего бесценного друга я называл своей духовной матерью — она во многом помогла самоопределиться в жизни. Познакомился с нею в 1972 году, когда учился на рабфаке философского факультета МГУ и активно влезал во всё интересное. Доцент кафедры эстетики Елена Андреевна организовала исследование на предмет выявления корреляции уровня культуры, образования и эстетического восприятия; главный вопрос исследования: от чего больше зависит эстетическое восприятие человека — от воспитания и образования или от природных данных. На первом этапе контингенту от рабфаковцев до аспирантов предлагали тесты по выявлению эстетического восприятия. На втором этапе Майя Захаровна подвергала испытуемого обойме разнообразных психологических тестов, включая прожективные тесты Роршаха и «ТАТ», — я первым и оказался подопытным. Тогда это было совсем внове. После тестирования Майя Захаровна рассказала мне всё обо мне. Привожу свою краткую запись её двухчасового изложения показаний тестов:

Интуитивный, чёткий интеллект. Способность понять явление, определить его лицо без разложения на составляющие и анализа деталей. Главное желание — сразу понять явление в целом, без детализации. Затем уже на готовый каркас (систему) навешивает факты. Факты сами по себе интересуют мало. При необходимости, например для доказательства явления, способен его разложить на составляющие и проанализировать.

Сильно развито художественное восприятие и художественное чутье. Резкое и удачное сочетание чёткого, направленного интеллекта и высокого художественного восприятия.

Доминантен, но не стремится к лидерству как самоцели. Обладает сильной энергией. Это в сочетании с другими качествами выделяет из окружения. Тип лидера, хотя лидерство получается как бы нечаянно. Желания выдвинуться любой ценой, за счёт других — не проявляет.

Решения часто может принимать под влиянием эмоций, внутренних переживаний. В этом случае ослабляется контроль интеллекта, и решение может быть зачастую неверным. Трудно отключиться от своих желаний, эмоций, взглядов для объективной оценки явления. Чем больше явление затрагивает лично самого, тем труднее быть объективным. Не приходит в голову проверить решение, раз приняв что-то — не сомневается. Только в спокойном состоянии способен перерешить. Или нужно резкое сильное указание на

ошибки извне. Но не упрям, не упорствует, если контрдоводы вески, в этом случае способен переосмыслить явление и перерешить.

В теории — некоторая прямолинейность. Цель взята, и ход к ней идёт без контроля. Принятые решения не всегда проверяются.

Сложившийся характер. Сильно выраженный мужской психологический облик. Но не тип довлеющий, подчиняющий женщину, а тип «рыцаря». Не подавляя, старается вести осторожно и защищать. Сильна потребность в защите нуждающихся и слабых, в помощи им (слабым, женщинам, детям). Это даёт возможность чувствовать себя сильным мужчиной.

Круг интересов широк, но больший интерес проявляет к теоретическим областям. Интерес направлен: 1) сфера социальных явлений — человек, отношения, коммуникации, исторический процесс; 2) сфера науки; 3) сфера искусства. В сфере искусств ищет информацию, а потом сопереживает, не цель, а средство. По интересам на третьем месте, но потенциальные способности в этой области высоки. Хорошо владеет языком (гибкий, образный, лаконичный). Но запас слов мал. По этой причине язык теряет яркость и действенность.

Уровень социализации: степень усвоения принятых моральных, нравственных, правовых норм — довольно высок. Но из-за своеобразного мышления и восприятия кое-что не прочувствовано и не принято безоговорочно. То есть, когда действует осознанно, действие контролируется интеллектом — поступает верно, в соответствии с принятыми нормами. В состоянии же волнения, когда всё происходит подсознательно, возможно выпадение критериев (то есть нормы, критерии автоматически не усвоены).

По складу характера не конформист. Направленность в сторону индивидуализации. Не удовлетворяет то, что представляется готовым, и в социальной жизни, и в науке. Эгоцентрист, но не эгоист. Сильно внутреннее «я». Установка: не «какова жизнь и где моё место в ней», а — «я — в центре, я таков, и каков же мир вокруг меня». Самостоятелен, но не агрессивен.

Сознательные установки в минуты волнения могут полететь. Хотя способные сопереживания большая (в обычном состоянии сильно равнодушен к мнениям, чувствам, переживаниям окружающих), в момент волнения это отпадает (не способен понять побуждения, чувства, желания другого). Опасность в момент волнения невольного желания «подмять» другого и сделать по-своему, не считаясь с людьми. В минуты волнения теряет собранность и контроль над внешними функциями организма. Моторика выходит из-под повиновения. Если в спокойном состоянии очень внешне собран, говорит точно и экономно, то в таком состоянии многословен (повторяется), нетерпелив, нарушается чёткость мысли и словесный багаж, повышается голос.

В особенности характера недостаточный учёт и понимание людей, недостаточная чёткость (в основном в сфере контактов и отношений). В силу особенностей характера способности в этом направлении уменьшены по сравнению с возможностями интеллекта.

Иногда проявляет некоторый отлёт от реальности и фантазирование. Но это не характерно.

Немного преувеличенная способность преувеличивать значимость ошибки, срыва деятельности. Неудачи бывают редко, но, если это случается, стремится искать причины не в стечении внешних

обстоятельств, а в самом себе (некоторое самокопание). В такие минуты начинаются скованность, тревога.

Иногда разбросанность в мыслях и не совсем ровная работа мысли (сочетаются периоды активной работы мозга с минутами пассивного мышления). Бывают периоды повышенной раздражительности (подвижный порог раздражительности). В такие минуты раздражителен, брюзглив, навязчив. Раздражают порой самые несущественные мелочи окружения. Выход — проверка на интеллект, все свои функции контролировать разумом. Хотя в общем сильная натура, способен работать долго и напряженно, но в связи с последствиями перенесённого в детстве, иногда порог сопротивляемости понижается. Это бывает редко, этому не следует уделять слишком много внимания, но об этом нужно помнить. В такие минуты перенапряжения необходима приостановка, смена деятельности, отдых. Необходим ритмичный распорядок (сон, приём пищи, отдых, работа — всё вовремя).

Сексуально очень чувствительная натура. Отношение к женщине чётко определено сознанием и чувствами. Существуют притягательные женские образы, созданные сознанием и чувствами. Неравнодушен при контактах с женщинами вообще и в любой обстановке. Чувствителен в этом направлении во всём: от сферы сознания, чувств, до поверхности тела.

Я самоуверенно не принял некоторые её характеристики, ибо они не соответствовали моим представлениям о себе и о своих жизненных задачах. Был уверен, что успешен в общественной работе, ибо всегда был активистом, и не имею шансов в теоретических областях, в науке, ибо всегда учился так себе. Майя Захаровна объясняла, что до сих пор я ещё не сталкивался с областями, которые мне могут быть подлинно интересны, а учился слабо потому, что изучаемые предметы мало интересовали. Жизнь впоследствии подтвердила правоту мудрого психолога.

Мы подружились, и милая Майя Захаровна деликатно повела меня по жизни. Она не спорила с коммунистическими завиральнями и ненавязчиво правила моё искорёженное идеологией мировоззрение. Знакомила с московскими домами, музеями, художественными мастерскими, невзначай давала книги. Московский человеческий тип оказался для меня родным, и много добрых людей помогло мне в тот светлый период. На одном из гостеваний я сидел в углу букой, закомплексованный слишком умными для меня разговорами, но выглядел, будто думаю о чём-то важном. Её подруга спросила: *что за молодой человек с тобой? Услышал: звезда приёма в МГУ этого года.* Но не поверил, ибо рот не мог открыться и мало что понимал. В общем, с большинством из сказанного Майей Захаровной не соглашался, но двигался, как оказывалось, по её направлениям. Первый мой Новый год в Москве встречали вдвоём в её квартире. Майечка много балагурила, шутливо и смешно поздравляла по случайно набранному телефону незнакомых людей — все отвечали удивительно по-доброму. Конечно же, мы с ней говорили о главном, позже я осознал, насколько судьбоносной была для меня та новогодняя ночь.

Майя Захаровна первой подвергла сомнению мои коммунистические убеждения: *«Не кажется ли тебе, что коммунизм — это горизонт, который отдаляется по мере попыток приблизиться к нему?»* Мне, конечно, не казалось, а казалось, что психолог ничего не понимает в философии. Но в результате

размышлений после второго курса я поступил не на отделение научного коммунизма, куда собирался, а на отделение философии. Её добрые советы несколько раз помогали разрешить важные жизненные проблемы. Когда у меня был мучительный выбор: остаться или уйти от любимого человека, она направила к решению: *представь, сможешь ли ты прожить жизнь без или всю жизнь с этим человеком...* Когда совершил непотребное, она мягко задала категорический императив: *тебе это нельзя...*

Учился у Майечки не только уму-разуму — она являла живой лик праведницы. Её отца — заместителя Орджоникидзе — расстреляли в 1937 году. Мать умерла через полгода. Воспитанная тремя боннами, говорящими на трёх языках, Майечка внезапно оказалась круглой сиротой на воспитании у дальних родственников. Окончила филологический факультет МГУ. Знала многие европейские языки, в пятидесятые годы перевела по заказу несколько работ зарубежных психологов, заинтересовалась, стала запоем читать, превратилась в единственного в стране специалиста по направлениям психологии, которые у нас числились *лженаукой* (наряду с кибернетикой и генетикой): Фрейд, Юнг, психоанализ, прожективные тесты Роршаха... Стала выдающимся психологом и психотерапевтом. Читала много лекций, воспитала плеяду успешных профессионалов, писала множество статей, которые публиковались под фамилиями её учеников или начальников, лечила множество больных, без конца консультировала по телефону нуждающихся, пестовала бедствующих старушек и заблудших молодых людей. Ни за что платы не брала принципиально. Была разработчиком концепции и одним из организаторов первого в стране суицидологического центра, оставаясь при этом на должности лаборанта. Жила добровольно на грани нищеты: только самое необходимое, из еды — варёная в мундирах картошка, макароны, майонез, любимая ливерная колбаса, что подороже — для неё *несъедобно*. В маленькой квартирке, забитой книгами и игрушками-медведями, постоянно жил кто-то из спасаемых ею. Спасаемых в буквальном смысле: жили у неё и те, кого она выхаживала после попытки самоубийства. Всех выправляла, поддерживала в творчестве, как-то пристраивала в жизни, используя бесконечный ресурс своей доброты и привлекая, когда надо, кого-либо из множества её друзей. Во всём — неповторимая атмосфера подлинных ценностей, истинных отношений. Для меня были бесценны импровизированные семинары в её квартирке: маленькая Майя Захаровна выглядела величественной в алюминиевом раскладном кресле с протёртым пледом.

Как и предвидела Майя Захаровна, я естественным ходом внутренних событий уходил от функционерства в философствование.

14.09.73

Прекратить действовать. Наука, наука и ещё раз наука. Только здесь я имею шанс найти себя. Зачем лезть туда, где можно добиться конкретных результатов и нельзя добиться результатов в итоге. Каждая победа потребует колоссально много энергии, времени, а результат окажется промелькнувшим явлением. Я не согласен с официальным мнением, т. к. где начинается это согласие (соглашательство), кончается наука. Вооружиться знаниями, разобраться в действительности, и только затем попытка решения стоящих задач на совершенно ином уровне. Но практика и теория неразделимы. Одно из другого, одно дополняет другое. Нужно стремиться не скатываться к голому

практицизму. Но это не значит, что из-за боязни крайностей нужно отречься вовсе от практической деятельности. Главное — подчинить каждодневную деятельность высшему обобщению, познанию, научению.

К третьему курсу занятий философией я пришёл к вере. Естественно, в первую очередь поделился заветным с Майей Захаровной. С этого начался драматический период наших отношений. Майя Захаровна заявила: «Слово “Бог” — самое кровавое в истории, что это всё — предрассудки и самообман». В религиозной теме ей отказывало её здравомыслие. Никогда ни до, ни после мы так яростно не спорили, с ором с обеих сторон, с киданием стульев об пол. Никакие мои аргументы не действовали. До оскорблений не доходило, но душа болела: как же так, она меня вывела на путь, который привёл к Богу, а сама находится в таком ослеплении.

Но *невозможное человеку — возможно Богу*. Однажды она позвонила и попросила срочно приехать для важного разговора. В своём «троне» умиротворённая Майя Захаровна сказала: «Со мной произошло очень важное событие». Близкая подруга попросила срочно встретиться с её сыном, у которого обнаружила записку с рассуждениями о самоубийстве: мальчик в подростковом возрасте с недоразвитой от рождения правой рукой столкнулся с подростковой жестокостью. Несколько бесед с Майей Захаровной вывели его из депрессии и переориентировали его приоритеты. Молодой человек понял, что его физический недостаток компенсирован присущими ему талантами, которые он и стал развивать. Много читал, раздумывал о главных вопросах жизни и... пришёл к логическому итогу глубоких размышлений — к вере в Бога. Естественно, он захотел поделиться приобретённым с Майей Захаровной и предложил ей послушать его *первую религиозную проповедь*. Майя Захаровна рассказывала: «Я начала слушать профессионально — только для того, чтобы определить диагноз психической болезни. Вскоре я поняла, что он совершенно здоров. Когда я это поняла, то стала слушать содержание его проповеди. Когда же вслушалась, то многое произвело на меня сильнейшее впечатление, и о многом я задумалась впервые. Когда же после его отъезда я долго размышляла об услышанном, поняла, что давно верю в Бога, хотя и не сознавала этого. Я хочу креститься». Вот так: явился мальчик и мановением руки разрушил стены, которые я не мог преодолеть долгое время. Майю Захаровну крестил мой дядя протоиерей Аркадий Станько под именем Мария, крестным отцом стал спасённый ею и спасший её молодой человек, а крестной матерью — моя жена Ляля.

Когда началась эпоха перемен и моя общественно-политическая деятельность, мы встречались редко, но всякий раз очень значимо для меня. Я видел её бесконечные хлопоты с пациентами, она с энтузиазмом рассказывала о своём клубе для одиноких людей «Свеча». Жалею о том, что не помог ей побольше в тогдашних её инициативах. Последние годы её угасания было тяжело видеть страдания, вместе с тем при встречах она умела радовать неизбывной своей добротой и мудростью. До последних дней, даже лёжа в больнице под капельницей, она консультировала и утешала людей, которые попадались ей — и врачам, и соседкам. Поэтому было такое ощущение, что она не уходит, что мы ещё долго будем вместе. Но теперь уже не здесь.

Ляля о Майе

«**Майя и Виктор**» — так я назвал бы раздел из новой книги Ляли Андреевой, ныне замечательно талантливого писателя. Удивительная магия художественного слова: с одной стороны, ничем не отличается от действительности, с другой же — захватывает.

Майя была психологом и общалась в основном с теми, кто нуждался в её помощи. В лице молодого студента философского факультета Виктора она нашла друга. Он не нуждался в её помощи, но нуждался в её восхищении, в напущении, в любовании. Майе нравилось видеть его цветение, его жажду жизни, талантливость. Он вселял в неё оптимизм, поддерживал в ней ощущение большого смысла. Чем только не готовы пожертвовать за это женщины. Молодостью, детьми, собственным талантом, счастьем. Рядом с любым поэтом (можно подставить любую профессию или даже неопределенные обещания) **находится не только преданная подруга, но и несколько соискательниц.**

Виктора она выловила, апробируя обойму тестов на студентах философского факультета МГУ. Студентам интересно, а психологической науке — польза. Тесты показали, что у Виктора «тип мышления гения» и что «в обществе его сильная позиция — неформальный лидер». В то время он был и формальным лидером — парторгом своего курса на философском факультете. Он планировал изменить социалистический строй изнутри.

По убеждению Майи, лидер нуждался в некотором перевоспитании и корректировке жизненных целей, и Майя дала ему «Архипелаг ГУЛАГ». Вопрос о человеческом лице коммунизма был решён раз и навсегда. Подопечный изменил свой вектор и стал стремительно и разносторонне развиваться.

Целый год Майя наслаждалась своим сокровищем, планируя его будущее. Но однажды Виктор привёл в крохотную квартирку на одиннадцатом этаже невообразимого дома «гостиничного типа» девицу. Девушке было восемнадцать лет, образование у неё было аж десять классов обычной московской школы. Она была близорука, косолапа, в белых гольфах и с сигаретой в руке. Нервно куря, девица вела себя застенчиво до бравады. Ещё бы — ведь она шла к самой умной и проницательной Кассандре в Москве. К той, кто при помощи тестов и редкой интуиции прозревает прошлое и будущее. А вы бы не испугались? Тем более что коротенькое прошлое у девицы было запутанным, а будущее — туманным.

Конечно, Майя знала, что будущий лидер проявляет повышенный интерес к девицам. На этот случай у неё было много утешительных терминов — гормоны — либидо — фертильность. Но не такую девицу Майечка желала видеть на постоянном месте около своего красавца. Она так огорчилась, что даже нарушила свои психотерапевтические принципы и позвонила потом Виктору: «Зачем тебе эта истеричка?»

В университете было два факультета первокурсных невест — филологический и искусствоведческий. Вообще, было полно образованных, вменяемых и обеспеченных девиц со всей страны. Выбор Виктора выглядел случайным, нелогичным в плане его победоносной судьбы. Конечно, лучше было бы для Майи, если бы она сама нашла единственную и правильную. Так она чувствовала бы меньше ревности. Да, ревность — чувство иррациональное. Несмотря на двадцатичетырёхлетнюю разницу в возрасте и другие

непреодолимые преграды, между ней и учеником были особые отношения, и ни одно слово русского языка их не назовёт точно.

Между тем неподходящая девица не исчезала. Мало того, через короткое время Виктор на ней женился. Но Майя была великим человеком и поступила как великий человек. Она решила поверить Виктору и полюбить его жену. Больше никаких тестов она ей не предлагала и оценок не давала. Ценила каждое появление пары и щедро, как всегда, учила. Давала книги. И не только самиздат.

Майю утешило то, что семейная жизнь не стала обычным пленом для молодого философа. Его мысли находили отклик. Его планы — поддержку. Жена стала слушателем, союзником, редактором. Диссидентски настроенная тёща тоже поддержала, когда нависла угроза посадки: «Борись, я детей не брошу». Конечно, Майю огорчало, что блестящая официальная карьера не состоялась, но кто в конце концов давал «Архипелаг»?

Подряд появилось на свет двое детей. Майя была бездетна и жила в царстве разума. Поэтому бессловесные дети вызывали у неё оторопь. Она нелепо, на вытянутых руках держала мальчика над письменным столом, пока молодая мать бегала на кухню за пелёнкой и кашей. Гордость новенького отца была ей не очень понятна. Майечкины представления о детях и советы, которые она давала, были фантастическими. Когда подросшие дети начали драться, как две обезьяны, Майечка настаивала на том, что на них нужно действовать только убеждением, взывать, так сказать, к их разуму. Да, но сначала пришлось бы их разнять, и связать, что ли...

Появившиеся у малышей проблески рассудка позволили Майе наладить с ними хоть какую-то связь. Это было нелегко. Они не были еврейскими вундеркиндами и не были подростками, нуждающимися в психологической помощи, к каким она привыкла. Это были здоровые, шумные дети, предпочитающие улицу всякому виду теоретического знания. Словом, они были очень далеки от Майечкиных понятий о детях. Но она не была бы собой, если бы не увеличила для них ковчег своей души и не приняла их на борт. Она полюбила их, каждого в отдельности. Полюбила, любя их отца, полюбила по убеждению, приложив усилия, но настоящей любовью. Как это возможно? Для неё — возможно.

Может сложиться впечатление, что Майя заполняла этими отношениями какую-то пустоту. Нет, она была всегда наполнена... Майя не была одинока, вернее, не бывала никогда одна. У неё в единственной комнате, как в кризисном стационаре, жили люди, пережившие разные драмы. Сама она спала на кухне в продавленном кресле-кровати. Денег она ни с кого не брала, за дорогой подарок поссорилась с друзьями. Сама же дарила самое драгоценное и любимое. На работе Майя числилась лаборанткой, хотя другим написала несколько диссертаций.

Майя получила причудливое, но крепко склеенное мировоззрение. Дочь могущественного заместителя министра воспитывалась гувернантками и читала романы и стихи, те же самые, что и гимназистки предыдущих поколений — например, её мать. Христианский аскетизм она впитала от папы-коммуниста, не бывшего ни христианином, ни аскетом. Веру в улучшение рода человеческого путём просвещения она впитала из русского воздуха, пропитанного флюидами энциклопедистов. Веру в человеческую свободу как в святыню дал ей страшный опыт детства и опыт её поколения. Безусловная решимость

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru